

**МОТИВАЦИОННО-ОЦЕНОЧНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ
ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ «СВОИХ» И «ЧУЖИХ» В ПОЛИЭТНИЧНОЙ ПОДРОСТКОВОЙ СРЕДЕ**

Автор статьи обращается к социально-психологическому анализу мотивационно-оценочных оснований дифференциации подростками «своих» и «чужих» в современной полиэтничной социокультурной среде. Усиление миграционных потоков создает в России особую социокультурную ситуацию, когда моноэтнических регионов практически не осталось и подросткам приходится интегрироваться в поликультурную, полиэтничную среду. Тем самым социализация несет потенциальные риски и угрозы, связанные с неприятием «других», их отчуждением, нарастанием национализма, ксенофобии, расовой и религиозной нетерпимости в подростково-молодежной среде. Автор приводит результаты собственных исследований социальной дистанции в среде подростков применительно к социально-демографической ситуации в Центральной России и размышляет о возможностях упреждения развития негативного отношения подростков к представителям «других» народов и культур. В статье приведены результаты эмпирического социально-психологического исследования, в ходе которого анализировались мотивы дифференциации подростками «своих» и «чужих», реальные проблемы строительства социальных коммуникаций в подростково-молодежной среде. На репрезентативной выборке автор показывает основания, которые подростки называют в качестве мотивационной базы социальной дифференциации, отличия таких мотивов в среде русских, белорусских и армянских подростков. Особое внимание автор обращает на необходимость грамотного социально-психологического сопровождения процесса этнической социализации подростков в полиэтничной среде, использование социализирующего потенциала референтных подростково-молодежных сообществ, активизацию включенности школы и семьи в обеспечение формирования этнокультурной идентичности современных подростков.

Ключевые слова: социальная психология, кросс-культурная психология, социальная дистанция, мотивация отношения к «своим» и «чужим», социальная педагогика, полиэтничная среда

Информация об авторе: Сухоруков Иван Сергеевич, ORCID <https://orcid.org/0000-0002-9460-9540>, педагог-психолог, Курский музыкальный колледж-интернат слепых, аспирант кафедры психологии, Курский государственный университет, г. Курск, Россия

E-mail: idmentium@mail.ru

Дата поступления статьи: 28.10.2020

Для цитирования: Сухоруков И.С. Мотивационно-оценочные характеристики дифференциации «своих» и «чужих» в полиэтничной подростковой среде // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2020. Т. 26, № 4. С. 14-24. DOI <https://doi.org/10.34216/2073-1426-2020-26-4-14-24>

Ivan S. Sukhorukov
Kursk State University

**MOTIVATIONAL AND EVALUATIVE CHARACTERISTICS OF THE DIFFERENTIATION
OF “FRIENDS” AND “ALIENS” IN A MULTIETHNIC TEENAGE ENVIRONMENT**

The author of the article refers to the socio-psychological analysis of the motivational and evaluative foundations of differentiation by adolescents of “ours” and “strangers” in the modern multi-ethnic sociocultural environment. The strengthening of migration flows creates a special socio-cultural situation in Russia, when there are practically no mono-ethnic regions left and adolescents have to integrate into a multicultural, multi-ethnic environment. Thus, socialisation carries potential risks and threats associated with rejection of “others”, their alienation, the growth of nationalism, xenophobia, racial and religious intolerance among adolescents and youth. The author cites the results of his own research on social distance among adolescents in relation to the socio-demographic situation in Central Russia and reflects on the possibilities of anticipating the development of a negative attitude of adolescents towards representatives of “other” peoples and cultures. The article presents the results of an empirical socio-psychological research, in the course of which the motives of differentiation by adolescents of “ours” and “strangers”, the real problems of building social communications in adolescents and youth were analysed. Using a representative sample, the author shows the grounds that adolescents name the motivational base of social differentiation, the differences between such motives among Russian, Belarusian and Armenian adolescents. The author pays special attention to the need for competent socio-psychological support of the process of ethnic socialisation of adolescents in a multi-ethnic environment, the use of the socialising potential of reference adolescent and youth communities, the activation of the involvement of school and family in ensuring the formation of the ethnocultural identity of modern adolescents.

Keywords: social psychology, cross-cultural psychology, social distance, motivation of attitudes towards “friends” and “aliens”, social pedagogy, multiethnic environment

Information about the author: Ivan S. Sukhorukov, ORCID <https://orcid.org/0000-0002-9460-9540>, educator-psychologist of Kursk Musical College-Boarding School for the Blind, post-graduate student of the Department of Psychology, Kursk State University, Kursk, Russia

E-mail: idmentium@mail.ru

Article received: October 28, 2020

For citation: Sukhorukov I.S. Motivational and evaluative characteristics of the differentiation of “friends” and “aliens” in a multiethnic teenage environment. Vestnik of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics, 2020, vol. 26, № 4, pp. 14-24 (In Russ.). DOI <https://doi.org/10.34216/2073-1426-2020-26-4-14-24>

Современная культура характеризуется глобализационными процессами во всех сферах общества. Интеграция национальных хозяйств в единое экономическое пространство создаёт условия для возникновения унифицированной, стандартизированной культуры, основанной на «западных» ценностях индивидуализма, равенства, демократии, эффективности. Эта культура стремительно распространяется и заменяет собой самобытность различных народов, населяющих планету. Следствием глобализации оказались две тенденции: с одной стороны – универсализация культуры, а с другой – обострение интереса каждого этноса к собственным культурным истокам. В одном пространстве оказались представители различных культур, отличающиеся ценностями, мировоззрением, способом осуществления своего бытия и т. д.

На этом фоне дифференциация окружающих людей по признаку «свой – чужой» становится неизбежным следствием процесса этнической социализации, поиска собственного «я», обретения устойчивых связей с собственным этносом и его культурой. Основным идентификационным маркером принадлежности к определённой культуре, противопоставления себя «другим» является язык. С помощью языка люди создают уникальный способ описания мира внутреннего и внешнего, формируется коллективный опыт, осуществляется культурная трансмиссия. В языковой картине мира определённого этноса возникает уникальное пространство идей и символов, на основе которого люди осуществляют привычное для себя бытие. Поэтому, помимо языка, идентификационными маркерами «свой» – «чужой» также являются традиции народа, образ жизни, верования, обычаи, национальные герои.

Социально-психологическая дифференциация – сложный и очень тонкий механизм различения окружающих людей на основе целого ряда признаков-маркеров: раса, национальность, пол, вера, социальное положение человека и др. Усвоение таких признаков происходит в процессе социализации. На разных ее этапах установки личности приобретают определенные как содержательные, так и эмоциональные, разной интенсивности, черты. Источники установок можно рассматривать в соответствии со степенью их устойчивости и обобщенности, а также области действия – от личности, малой группы к обществу и культуре [Шамионов 2018; 2019].

К пониманию сути дифференциации в социальной психологии сложилось несколько подходов, отличие которых обусловлено преимуществен-

но разницей в трактовке факторов формирования опыта дифференциации (различения) и конкретных механизмов обретения личностью такого опыта. Теории, объясняющие природу социальной дифференциации, можно разделить на две группы по приоритету внешних либо внутренних факторов, влияющих на этот процесс. Первая группа теорий берёт своё начало с исследований М. Шерифа. В его экспериментах подросткам предлагались поочередно задания на конкуренцию и сотрудничество [Sherif 1956]. Таким образом было показано, что ориентация на конфронтацию с другими группами зависит от характера внешне задаваемой деятельности. Вторая группа теорий начинается с исследований Анри Тэшфела и Джона Тернера, считавших, что когнитивные и мотивационные факторы являются определяющими отношением «свой – чужой» [Tajfel 1986]. Представители данного подхода считают, что деление на своих и чужих возникает вследствие самого факта принадлежности к определенной социальной общности и противопоставления своей группы другим общностям [Лебедева 2011; Лебедева 2016; Лэйнг 2002; Межкультурные отношения 2017; Почебут 2018]. Согласно В.А. Ядову, субъект, выделяя для себя какой-либо признак, значимый для него в данное время и в данных обстоятельствах, соотносит себя по этому признаку с «мы» и противопоставляет «своим» «не своих» [Ядов 2014]. Считается, что механизмами формирования представлений об отличиях других людей являются социальное научение, социальное соперничество, социальная категоризация на «мы» и «они» [Judd, Ryan & Parke 1991; Linville & Fischer 1993; Miura, Pilati, Milfont, Ferreira, Fischer 2019]. Какой бы объяснительный принцип ни был взят за основу анализа формирования дискриминационных установок, все они связаны с социализацией индивида и ее эффектами [Fischer 2011; Fischer 2013; Fischer 2015; Boer 2013; Miura 2019].

Для современной практики психологического сопровождения этнической социализации подростков дифференциация на «своих» и «чужих» приобретает особое значение: в подростковой среде явно наметилась тенденция к усилению такой дифференциации, появлению подростково-молодежных сообществ, занимающих откровенно националистические позиции, придерживающихся весьма опасных взглядов, включенных в жизнь экстремистских организаций и объединений, проповедующих расовую и религиозную нетерпимость, негативное отношение к «чужим», к «другим»... Такие объединения подростков и юношества возникают в разных странах и на раз-

ных идейных основах, но их притягательность для подростков определяется возможностью проявить себя в активной, социально-чувствительной сфере – межэтнических отношений, обрести признание и уважение сверстников, продемонстрировать свою «взрослость», повысить самооценку за счет травмы и создания невыносимых условий для жизни и учебы «другим» – представителям «чужих» рас, этнических групп, религий, культур [Зинченко 2019; Шайгерова 2019]. Миграционные процессы во всем мире фактически создали многоцветный, поликультурный мир, в котором моноэтносо́в уже не осталось на планете. Средой наиболее интенсивного межэтнического взаимодействия сегодня чаще всего оказывается школа, в которой подростки сталкиваются с «другим» языком, «другой» религией, «другим» образом жизни. «Другой» мир оказывается не очень понятным и прозрачным для подростка: в этом мире действуют иные ценности и нормы, правила и традиции, обычаи и верования. Подросток еще не может подняться до такого уровня обобщения феноменов культуры, чтобы увидеть в культуре «другого» этноса общечеловеческое содержание – те универсалии, которые обнаруживаются в культурах практически всех этносов. Общечеловеческое становится той единственной ценностно-смысловой основой, которая позволяет выстраивать гармоничные, дружественные отношения между представителями разных этносов, разных религий и культур. Общечеловеческое оказывается своеобразным универсальным культурным кодом, позволяющим подняться над обыденностью, увидеть общие для всех народов нормы и ценности, идеи и смыслы, в которых отражены ценность самого человека, жизни, культуры, труда, морали, достижений науки и технического прогресса, природной среды, без которых само существование человека и человечества окажется невозможным.

Психологическое сопровождение призвано обеспечить процесс этнической социализации подростков и юношества, постараться исключить (или хотя бы минимизировать) вероятность межэтнических конфликтов в подростковой среде, помочь каждому воспитаннику обрести опыт продуктивного межэтнического взаимодействия, сотрудничества, взаимопонимания. Тогда социальная дистанция в ее крайних, полярных проявлениях – дифференциации на «своих» и «чужих» – не будет связана с отвержением «чужих», их преследованием, травлей, унижениями. Инаковость (особенно – культурная и расовая) не должна становиться основанием для социального негативизма, изоляции, избегания; подростки должны учиться жить и работать сообща, вместе, искать и находить компромиссы, точки соприкосновения, взаимопонимания и сотрудничества.

Нами было проведено эмпирическое исследование социальной дистанции между предста-

вителями различных этнических групп в среде подростков. Опираясь на идеи В.А. Ядова, мы предполагаем, что в основе степени социальной дистанции между представителями различных этнических групп России лежит представление личности о системе признаков, по которым оцениваются представители различных культур [Ядов 2014]. Представление об этих признаках формируется в процессе социализации и в значительной степени влияет на характер отношений «свой – чужой». Исследование направлено на выявление мотивационных характеристик, лежащих в основе определения «своих» и «чужих» с тем, чтобы понимать направления психолого-педагогической работы с целью налаживания конструктивного взаимодействия между представителями различных культур в полиэтничной среде. В частности, на преодоление каких этнических стереотипов должна быть направлена деятельность педагогов и психологов при работе с поликультурными группами подростков.

С опорой на эти идеи была проведена объемная и содержательная диагностика сформированности у подростков российских школ ($n = 2\,500$) навыков дифференциации «свой – чужой» и обоснования подростками мотивов своего отношения к «своим» и «чужим». Для диагностики степени социальной дистанции была использована методика Эмори Богардус [Bogardus, 1933]. Результаты представлены ниже в таблице 1.

При анализе полученных эмпирических материалов диапазон положительного отношения к представителям «своего» и «чужого» этноса оценивался подростками в границах от 1 до 0,7 балла; нейтрального отношения – в границах от 0,7 до 0,4 балла; негативного отношения – в границах от 0,3 до 0,0 баллов. Итоги статистической обработки полученных эмпирических материалов позволили определить несколько групп в восприятии и оценке респондентами степени предпочтительности представителей соответствующих этносов. Так, например, в группе «предпочитаемых» для представителей русского этноса оказались русские, украинцы, белорусы, армяне; в группе «нейтральных» – татары, башкиры, евреи, ингуши, чеченцы, дагестанцы и др.; в группе «отвергаемых» – азербайджанцы, киргизы, казахи, цыгане (см. табл. 1).

Основными признаками и мотивами, которыми руководствуются подростки при категоризации «своих» и «чужих», являются: внешняя привлекательность/непривлекательность другого человека (45 %); степень сходства с другим человеком (36 %); раса и национальность (19 %), религиозная принадлежность (18 %), близость территории проживания (16 %). Исследование показывает, что доминирующими в определении «своих» и «чужих» в поликультурной группе подростков являются мотивы, связанные преимуще-

Таблица 1

Распределение оценок «свой – чужой» подростками
(сентябрь 2020 г.; n = 2 500)

Этносы	Русские	Украинцы	Белорусы	Армяне	Евреи	Азербайдж.	Ингуши	Чеченцы	Дагестанцы	Узбеки	Таджики	Туркмены	Киргизы	Татары	Казахи	Башкиры	Калмыки	Якуты	Буряты	Цыгане
Русские	1	0,7	0,9	0,8	0,6	0,2	0,4	0,4	0,5	0,5	0,5	0,4	0,3	0,7	0,3	0,7	0,6	0,6	0,6	0,2
Украинцы	0,4	1	0,8	0,7	0,7	0,7	0,6	0,5	0,5	0,5	0,5	0,5	0,5	0,5	0,5	0,5	0,5	0,5	0,5	0,1
Белорусы	0,8	0,6	1	0,4	0,6	0,2	0,2	0,2	0,3	0,2	0,2	0,2	0,2	0,3	0,3	0,3	0,3	0,3	0,3	0,0
Армяне	0,7	0,6	0,7	1	0,4	0,0	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	0,0
Евреи	0,6	0,7	0,8	0,6	1	0,2	0,3	0,3	0,3	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	0,4	0,3	0,4	0,4	0,0
Азербайдж.	0,2	0,5	0,4	0,0	0,2	1	0,4	0,4	0,6	0,4	0,4	0,5	0,4	0,5	0,5	0,5	0,5	0,4	0,4	0,0
Ингуши	0,4	0,5	0,5	0,6	0,4	0,6	1	0,7	0,7	0,5	0,5	0,5	0,5	0,6	0,6	0,6	0,5	0,5	0,5	0,0
Чеченцы	0,6	0,6	0,6	0,6	0,5	0,6	0,7	1	0,7	0,6	0,6	0,6	0,6	0,7	0,6	0,7	0,7	0,6	0,6	0,0
Дагестанцы	0,7	0,5	0,7	0,6	0,6	0,7	0,7	0,7	1	0,5	0,5	0,5	0,5	0,6	0,5	0,6	0,5	0,5	0,5	0,0
Узбеки	0,6	0,5	0,6	0,6	0,5	0,6	0,5	0,5	0,5	1	0,5	0,5	0,5	0,6	0,6	0,6	0,5	0,5	0,5	0,0
Таджики	0,6	0,5	0,6	0,6	0,5	0,4	0,5	0,5	0,5	0,6	1	0,7	0,7	0,6	0,6	0,6	0,6	0,6	0,5	0,0
Туркмены	0,4	0,5	0,5	0,5	0,4	0,4	0,5	0,5	0,6	0,7	0,7	1	0,7	0,6	0,7	0,6	0,6	0,6	0,6	0,0
Киргизы	0,5	0,6	0,6	0,6	0,5	0,6	0,6	0,6	0,6	0,7	0,8	0,8	1	0,7	0,7	0,6	0,6	0,6	0,6	0,0
Татары	0,8	0,7	0,8	0,7	0,6	0,6	0,7	0,6	0,7	0,7	0,7	0,8	0,8	1	0,7	0,8	0,7	0,6	0,6	0,0
Казахи	0,5	0,7	0,7	0,7	0,6	0,6	0,7	0,6	0,7	0,7	0,7	0,8	0,8	0,7	1	0,7	0,6	0,6	0,6	0,0
Башкиры	0,7	0,5	0,7	0,6	0,5	0,3	0,5	0,5	0,5	0,5	0,5	0,5	0,5	0,8	0,6	1	0,6	0,6	0,6	0,0
Калмыки	0,7	0,5	0,7	0,6	0,5	0,3	0,4	0,4	0,4	0,5	0,4	0,5	0,5	0,5	0,5	0,5	1	0,5	0,5	0,0
Якуты	0,6	0,3	0,6	0,4	0,3	0,3	0,3	0,3	0,3	0,3	0,3	0,3	0,3	0,3	0,3	0,3	0,4	1	0,4	0,0
Буряты	0,6	0,3	0,6	0,5	0,4	0,3	0,3	0,3	0,4	0,3	0,3	0,3	0,3	0,3	0,3	0,3	0,5	0,7	1	0,0
Цыгане	0,6	0,6	0,6	0,3	0,3	0,2	0,3	0,3	0,3	0,2	0,2	0,2	0,2	0,5	0,4	0,5	0,3	0,2	0,2	1

ственно с оценкой внешнего облика человека. Фактически подростки почти не учитывают в процессе социальной дифференциации ценности, смыслы, чувства и отношения другого человека.

Дифференциация отношений «свой» – «чужой» в подростковой среде прочно связана с особенностями исторически сложившихся отношений между этносами, существующими противоречиями и взаимными претензиями. Внешний, историко-культурный аспект таких отношений оказывает значительное влияние на восприятие и понимание подростками представителя «другого» этноса; скромный социальный опыт, уже имеющиеся этносоциальные установки подростков (полученные от референтных сверстников, от родителей, из социальных сетей) закрепляют внутренний негативизм, формируют заведомо неприязненное отношение к «другому», делают его «чужим» и тем самым существенно увеличивают социальную дистанцию. Подросток неохотно идет на контакт с таким сверстником, старается избегать общения с ним, блокирует попытки со стороны «чужого» устанавливать и поддерживать коммуникативные контакты. «Чужой» чаще всего подвергается солидарной травле со стороны одноклассников, откровенному буллингу, издевкам, оказывается в целенаправленно расставленных психологических «ловушках»,

демонстрирующих униженное, социально невыгодное положение такого подростка в глазах его сверстников. Подобные ситуации только обостряют и закрепляют взаимный негативизм, отвержение, увеличивают социальную дистанцию между подростками.

В этом контексте весьма любопытно посмотреть на «иерархию» предпочтений подростками этнических «других», выделение среди этих «других» наиболее «близких», «нейтральных» и «отвергаемых» этнических сверстников.

Диаграмма (рис. 1) наглядно показывает наличие нескольких групп, среди которых в категории «предпочитаемых» для русских подростков оказались белорусы, армяне, украинцы, татары, башкиры, евреи, якуты, буряты; среди «нейтральных» – дагестанцы, узбеки, таджики, ингуши, чеченцы, туркмены; в категории наименее предпочтительных – киргизы, казахи, азербайджанцы, цыгане. Конечно, такая дифференциация вызывает множество вопросов и, вполне вероятно, связана с особенностями формирования опыта взаимодействия с представителями «других» этнических групп. Не следует исключать из вероятных причин такой дифференциации наличие у подростков внушенной установки (родителями, сверстниками, старшими школьниками, собеседниками и виртуальными

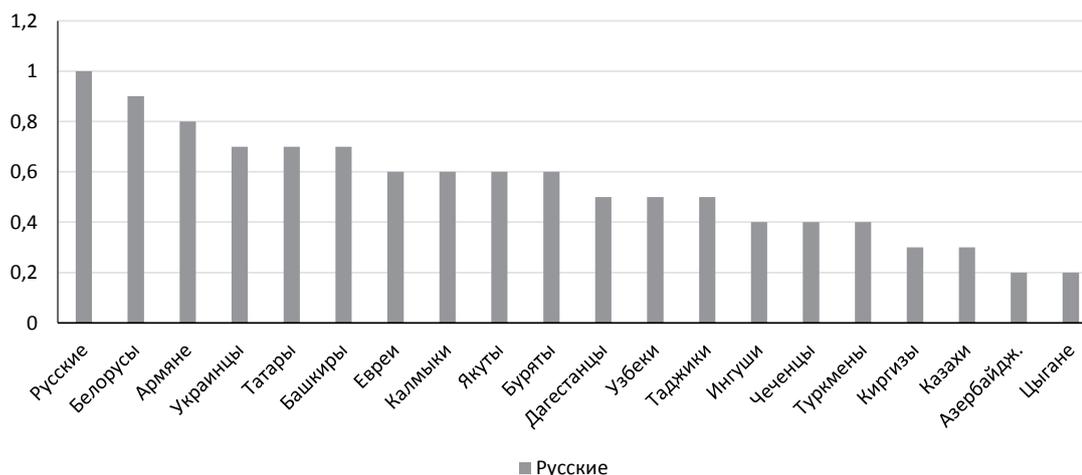

Рис. 1. Предпочтения русских подростков в выборе «других» сверстников для общения (сентябрь 2020 г., n = 2 500)

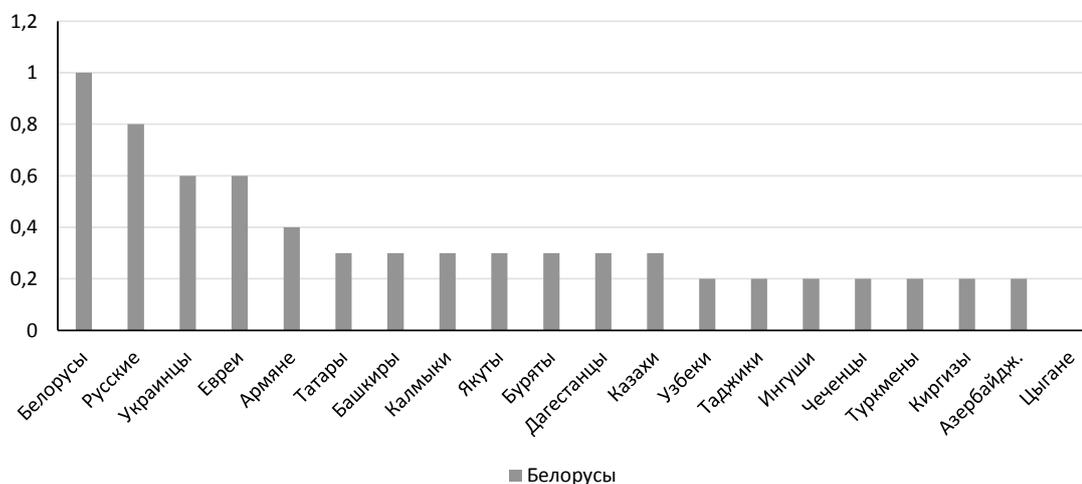

Рис. 2. Предпочтения белорусских подростков в выборе «других» сверстников для общения (сентябрь 2020, n = 2 500)

ми друзьями в социальных сетях и сообществах), специфического и ограниченного опыта коммуникации с представителями «других» культур и этнических групп. Эти и другие факторы оказывают, безусловно, существенное влияние на восприятие и понимание «другого», его оценку и интерпретацию его модели поведения, отношений, способов самовыражения, эмоциональные реакции, стереотипы поведения.

Любопытно выглядит «обратное» восприятие представителей «других» этнических групп и культур: в частности, со стороны белорусских подростков и армянских подростков. Опросы показывают, что белорусские подростки в числе «близких», «предпочитаемых» называют сверстников среди русских, украинцев, евреев, армян. В числе «нейтральных» оказались татары, башкиры, калмыки, якуты, буряты, дагестанцы, казахи. И наименьшие предпочтения белорусские подростки выразили в отношении к узбекским сверстникам, таджикам, ингушам, чеченцам, туркменам, киргизам, азербайджанцам, цыганам (рис. 2).

Любопытно выглядит оценка дифференциации потенциальных партнеров по общению в интерпретации армянских подростков (рис. 3). В частности, опрос показал, что армянские подростки в числе «близких» называют русских, белорусов, татар, башкир, украинцев, евреев. При этом «нейтральных» почти нет, а среди «наименее предпочитаемых» оказались калмыки, якуты, буряты, дагестанцы, узбеки, таджики, ингуши, чеченцы, туркмены, киргизы, казахи, азербайджанцы, цыгане.

Думается, что помимо недостаточного знакомства с культурами тех народов, которые оказались в числе «наименее предпочитаемых», следует назвать принадлежность этих народов к другой религии, военно-политический фактор (например, армяно-азербайджанский конфликт, события в Арцахе / Нагорном Карабахе), усиление общественного внимания к этническим конфликтам, подкрепляемое СМИ, Интернетом, социальными сетями. Окруженный информационным давлением подросток начинает воспринимать культуру «другого» этноса с позиций информационных

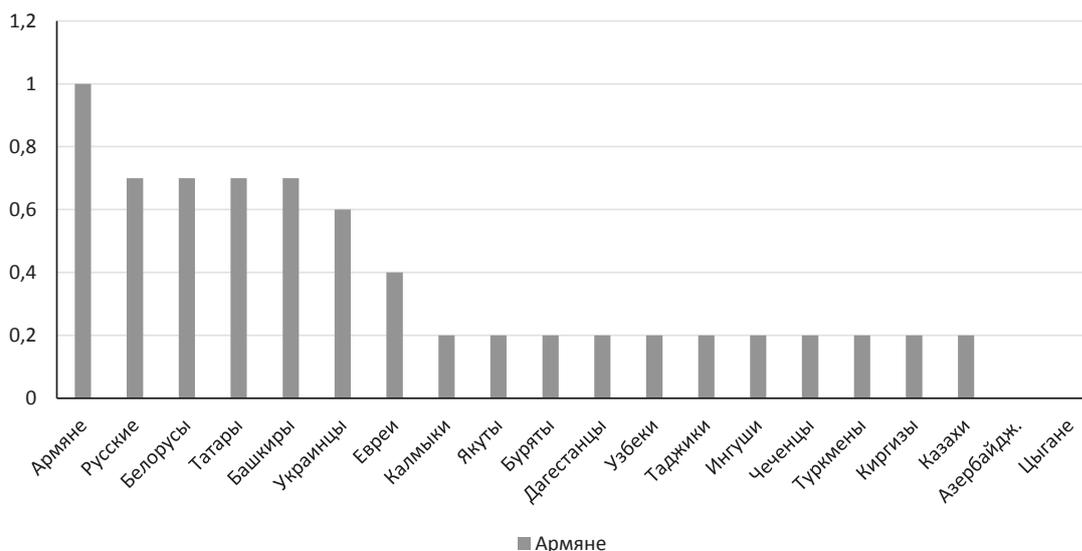

Рис. 3. Предпочтения подростков-армян в выборе «других» сверстников для общения (сентябрь 2020 г., n = 2 500)

ресурсов, навязанной точки зрения, навязанных извне оценок. Опасность этого внешнего информационного давления состоит в минимизации субъектности подростка, снижении его способности быть автором своей социальной и профессиональной биографии, проявлять самостоятельность в выборе партнеров для общения, в накоплении опыта восприятия и понимания представителей «других» этносов, социального взаимодействия с теми, кто явно и ощутимо оказывается «иным», «не таким», кто существенно отличается от «нас», от «мы». Идентичность в этом случае – лишь формальная принадлежность к определенной среде, не исключающая контактов и продуктивного взаимодействия с «другими», «иными». Более того, чем богаче опыт такого взаимодействия, тем богаче и глубже основания оценки взрослеющим подростком людей вообще; тем в меньшей степени такая оценка зависит от расовой или религиозной принадлежности человека; тем выше интерес подростка к «непохожести на меня», к человеческой индивидуальности. Наконец, устойчивый интерес к «другим» значительно расширяет и обогащает представления подростка об универсальных ценностях культуры, о том, что является общим в культурах разных народов. Только таким путем в сознание подростка может прийти истинное понимание диалектики национального и общечеловеческого, диалектики общего, особенного и единичного в культурах разных народов. Значит, социальная дистанция между представителями разных этносов не является стабильной, статичной – она изменчива и зависит от многих факторов, среди которых, пожалуй, особенно важны влияния наиболее референтных для подростка источников информации, формирующих опыт социальной коммуникации с «другими», с «иными» культурами и их представителями [Эриксон 2006].

При этом особенно важны мотивы дифференциации подростком «своих» и «чужих».

Мотивационно-оценочные характеристики дифференциации – каковы они? Что лежит в основе выделения «своих» и «чужих» в каждой из групп «предпочитаемых», «нейтральных» и «отвергаемых»?

Мотивация восприятия и понимания других людей, взаимодействия с представителями «других» культур и народов – самая тонкая и самая сложная деталь для психологической оценки и влияния. Подросток завершает формирование собственной этнокультурной идентичности, осознает и вполне ощущает свою принадлежность к определенной этнической группе. Это выражается в ощущении защищенности личности, ее безопасности, в солидарности и готовности действовать сообща, совместно выстраивать общие перспективы социального бытия, выдвигать цели и «всем вместе» их реализовывать. Мотивация как побудительная причина, как источник активности личности служит механизмом запуска, своеобразным триггером контактов с «другими», если сотрудничество с ними оказывается «необходимо», а совместная деятельность доставляет ощущение комфорта, подпитывает интерес, порождает положительные эмоции. Тогда эмоциональное подкрепление совместной деятельности порождает в подростке желание вновь испытать те же ощущения, которые им уже были однажды испытаны в процессе деятельности и общения с «другим». Совместная деятельность становится важнейшим фактором и источником не только мотивов, но и самого отношения к представителям «других» культур и «других» народов. Мотив аккумулирует в себе целый комплекс важнейших психологических феноменов личности, среди которых – цели и ценности, потребность в уважении, признании, принадлежности, безопас-

ности, самореализации и т. д. Для подростка особенно важно, чтобы его действия соответствовали ожиданиям референтного для него сообщества, значимых «других». Это личностно значимый для подростка мотив социальной коммуникации, в котором отчетливо выражена его субъективная потребность быть замеченным, поддержанным, положительно оцененным «своими», его поведение и взаимодействие с «другим» должно получить одобрение со стороны референтного сообщества, санкционировано им. Это внешнее одобрение служит важным источником для принятия решения подростком о целесообразности развития отношений с «другим» или отказе от них. Для мотивации очень важно именно это внешнее одобрение референтными сверстниками. По сути, это одна из главных мотивационных причин, побуждающих подростков «сбиваться в стаи» и подчинять свое поведение «законам стаи». Вырваться из плена «стаи» для подростка бывает чрезвычайно сложно: «стая» удерживает его угрозой расправы, буллинга, очернения, дискредитации в глазах «своих». При этом поведение «стаи» и ее оценка отношений подростка с «другими» во многом определяется позицией вожака, лидера сообщества. Блистательную иллюстрацию отношений «стаи» и «белой вороны» сделал Г. Бардин в коротком мультфильме «Адажио». «Серость» «стаи», ее угнетающая способность подавлять «инаковость», неспособность «стаи» оценить потенциал яркой индивидуальности вне контекста этнической, расовой и религиозной принадлежности личности оказываются фактором духовной деградации «стаи», ее морального оскудения, неизбежного дрейфа в болото маргинальности.

Мотивы придают смысл, направление активности взаимодействия с «другим», во многом предопределяют содержание, характер и результаты коммуникации. Известный сдвиг мотива на цель проявляет себя как осознание истинных намерений и предполагаемых результатов взаимодействия с «другим». Подросток уже хорошо понимает, для чего он вступает во взаимодействие, что ждет от него, какими должны быть результаты такого взаимодействия. Однако мотивы взаимодействия в каждой из групп «предпочитаемых», «нейтральных» и «отвергаемых» оказываются своими, специфическими. Попробуем конкретнее их охарактеризовать.

В группе «предпочитаемых» «других» отношение инициаторов общения сопряжено с мотивами «интересно узнать больше о другом народе, его традициях и культуре», «нравится общение с интересным ровесником», «есть возможность узнать много нового», «у нас нет проблемы с пониманием друг друга, мы говорим на одном языке», «его [«другого»] народ является другом моего народа и моей страны», «у нас много общего, мы являемся братскими народами», «мне нравится, как ведет

этот человек, и его национальность для меня не имеет значения» и др.

В группе «нейтральных» отношение подростков к представителям «других» этносов обусловлено мотивами «не уверен в его надежности как друга», «надо узнать его получше, а уже потом решать, стоит ли с ним общаться», «он не вызывает у меня доверия», «думаю, что лучше общаться с представителями своего народа», «у меня есть более близкие друзья», «у него есть своя компания и они к себе других не подпускают» и др.

В группе «отвергаемых» отношение подростков к представителям «других» этносов обусловлено мотивами «мне лично его народ неинтересен», «мне неприятно общаться с представителями этого народа», «я не доверяю этому человеку», «он принадлежит к чужой культуре», «я считаю, что наши народы не могут быть друзьями», «у нас нет ничего общего», «его народ враждебно настроен по отношению к моему народу» и др.

Степень выраженности мотивов предпочтения, нейтральности или отвержения у представителей различных этнических групп существенно отличается. Это связано, на наш взгляд, с особенностями социально-политической ситуации в отношении с «другой» страной, ее народом; возможны особенности и затруднения в строительстве вербальной коммуникации, неприятием религии или культурных традиций «другого» этноса. Причин вариативности мотивов может быть очень много, включая личную неприязнь, а не этническую принадлежность подростка. Тем не менее этнический фактор все-таки играет существенную роль в принятии/неприятии этнически «другого», в строительстве и поддержании отношений с ним [Татарко, 2018; 2019]. Для современных подростков этнокультурный фактор ощутимо становится важен и оказывается доминирующим в процессе включения подростка в жизнедеятельность референтного для него сообщества, нередко объявляющего «борьбу за национальную чистоту» своей целью, мобилизуя своих адептов на массовые побоища «других», «чужих», «освобождение своей территории» от «приехавших чужаков». Примеров таких откровенных погромов с тяжкими телесными повреждениями «чужих», к сожалению, много. И более всего таких примеров в крупных мегаполисах. Понятно, что идеи толерантного отношения к представителям «других» культур в подобных сообществах не работают, не находят поддержки; подростки, включаясь во «взрослые» отношения, стремятся активно влиять на этнический состав населения города, поселка, страны, усматривая в этом проявление своего «патриотизма», «гражданственности», «социальной ответственности» [Белинская, 2000; 2018; 2018a]. Правда, подростки, участвующие в подобных погромах и побоищах, не понимают, что наносят огромные имиджевые потери свое-

Таблица 2

**Мотивы отношения подростков к представителям «других» этносов
(русские n = 2 500; белорусы n = 2 500; армяне n = 2 500; сентябрь 2020 г.)**

№	Группы	Мотивы / %	Русские			Белорусы			Армяне		
			+	0	-	+	0	-	+	0	-
1	Предпочтение (аффилиации)	его народ является другом моего народа и моей страны	89	10	1	72	19	9	81	19	0
2		у нас нет проблемы с пониманием друг друга, мы говорим на одном языке	88	11	1	78	12	10	92	8	0
3		у нас много общего, мы являемся братскими народами	88	10	2	67	13	20	77	12	11
4		интересно узнать больше о другом народе, его традициях и культуре	78	12	10	70	21	9	67	22	11
5		есть возможность узнать много нового	73	24	3	54	34	12	71	21	8
6		мне нравится, как ведет этот человек, и его национальность для меня не имеет значения	71	17	12	52	21	27	69	27	4
7		нравится общение с интересным ровесником	64	22	14	66	12	22	75	21	4
8	Нейтральные	думаю, что лучше общаться с представителями своего народа	89	11	0	82	14	4	61	27	12
9		у меня есть более близкие друзья	78	22	0	87	12	1	63	22	15
10		у него есть своя компания, и они к себе других не подпускают	67	19	14	63	21	16	38	39	23
11		надо узнать его получше, а уже потом решать, стоит ли с ним общаться	59	28	13	61	27	12	47	38	15
12		он не вызывает у меня доверия	44	28	28	64	26	10	43	39	18
13		не уверен в его надежности как друга	41	29	30	63	22	15	44	42	14
14	Отвержение	мне неприятно общаться с представителями этого народа	14	37	49	9	23	68	14	41	45
15		мне лично его народ не интересен	12	32	56	9	38	53	14	39	47
16		я не доверяю этому человеку	12	28	60	8	33	59	19	38	43
17		его народ враждебно настроен по отношению к моему народу	11	32	57	11	44	45	24	49	27
18		у нас нет ничего общего	9	53	38	12	41	47	24	4	28
19		он принадлежит к чужой культуре	8	41	51	14	36	50	22	37	41
20		я считаю, что наши народы не могут быть друзьями	7	49	44	24	39	37	24	44	32

му собственному народу, формируют в сознании «других» представление о титульном этносе как о негуманном, бесчеловечном народе, живущем в условиях социального хаоса, правового и культурного нигилизма. Понятно, что о социальном и культурном плюрализме в таких подростковых сообществах не может быть и речи.

Говоря о мотивах дифференциации «своих» и «чужих», следует обратить внимание на очень важный социально-педагогический аспект генезиса мотивов в сознании подростка. Такие мотивы сегодня формируются преимущественно стихийно, неуправляемо; представление подростка о «другом» чаще всего строится на основе весьма ограниченного социального опыта личности, формирование которого еще очень далеко от завершения. Совпадая с естественной тягой подростка к взрослости, его стремлением быть субъектом собственной жизни, опыт строительства отношений с представителями «других» этносов оказывается отдан на волю случая, некоего везения, удачи. Включенность в эту работу педагогов весьма условна; их референтность для подростков не очень высока, да и влияния на формирование мотивов носят исключительно вербальный характер, за которым кроме «призывов к толерантному отношению» практи-

чески ничего нет. А подростку нужна реальная деятельность, нужны конкретные поступки, в которых он сможет доказать собственную взрослость, способность принимать на себя ответственность. Но таких возможностей в социальном воспитании все меньше, а острота проблем все чувствительнее и опаснее [Булатников, 2012; 2012а; 2012б; 2012в]. Активное разрастание откровенно экстремистских подростково-молодежных сообществ становится опасным трендом, свидетельствующим о нарастании этнических противоречий, грозящий перерасти в серьезные конфликты. Минимизация таких рисков и угроз является насущной задачей современной теории и практики социального воспитания подростков [Репринцев 2013; Репринцев 2015; Репринцев 2017].

Понятно, что достройка в сознании подростков несформированных или незавершенных структур, связанных с опытом этнической дифференциации, требует тонкой и очень деликатной «настройки», ювелирной работы не только со стороны школы, но и не менее влиятельного фактора – семьи. К сожалению, сегодня наиболее влиятельным фактором формирования такого опыта дифференциации стали социальные сети, «начинку» которых, интенсивность и результаты влияния на созна-

ние подростков проконтролировать невозможно. Поэтому в большинстве случаев формирование опыта такой этнической дифференциации происходит стихийно, неуправляемо, неконтролируемо. Школа и семья должны совместно оказывать влияние на этот важный и очень ответственный участок этнической социализации подростков, которым предстоит жить и трудиться в новой, глобальной социокультурной реальности, где цвет кожи, язык, вера уходят на второй план, а в фокусе оценочного внимания и строительства отношений между людьми оказываются профессионализм, компетентность, инициатива, активность. Но при этом каждый человек остается представителем своего этноса и своей культуры, и все разнообразие человеческих типов, все многоцветье национальных культур только украшает пребывание человека на земле, подчеркивает уникальность каждой человеческой личности. Значит, нужно учить подростков жить в таком «многоцветном» мире, ценить человеческую личность и жизнь каждого человека. Только в этом случае на планете исчезнут конфликты, междоусобицы, экономическое соперничество, стремление к расовому превосходству. Научить подростков жить в мире могут прежде всего родители и школа – их миссия в глобализирующемся мире будет неуклонно возрастать.

Список литературы

- Белинская Е.П.* Современные исследования идентичности: от структурной определенности к процессуальности и незавершенности // Вестник Санкт-Петербургского гос. университета. Психология. Педагогика. Сер. 16. 2018. Т. 8. № 1. С. 6–15.
- Белинская Е.П., Илюхина С.Н.* Пространство социальных сетей как фактор радикализации конфликта в виртуальном взаимодействии // Вестник РГГУ. Серия: Психология. Педагогика. Образование. 2018а. Т. 14. № 4. С. 81–95.
- Белинская Е.П., Стефаненко Т.Г.* Этническая социализация подростка. М.: МПСИ; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2000. 208 с.
- Булатников И.Е.* «Кризис культуры» и его отражение в состоянии общественной морали: диалектика вечного и временного в социально-нравственном воспитании молодежи // Евразийский форум. 2012. № 4. С. 78–92.
- Булатников И.Е.* Деструкция морального сознания современного российского общества как проблема теории и практики социального воспитания молодежи // Вестник Костромского государственного университета. 2012а. Т. 18. № 1-1. С. 146–152.
- Булатников И.Е.* Развитие системы нравственных ценностей молодежи в условиях кризиса культуры: диалектика вечного и временного // Психолого-педагогический поиск. 2012б. № 4 (24). С. 23–35.
- Булатников И.Е., Репринцев А.В.* Системная методология в контексте поиска оптимальной модели реформирования российского образования // Психолого-педагогический поиск. 2012в. № 22. С. 19–34.
- Зинченко Ю.П., Шайгерова Л.А.* и др. Методологические проблемы изучения этнокультурной идентичности детей и подростков в цифровом обществе // Герценовские чтения: психологические исследования в образовании. СПб.: РГПУ, 2019. С. 875–884.
- Лебедева Н.М.* Этническая и кросс-культурная психология. М.: МАКС Пресс, 2011. 423 с.
- Лебедева Н.М., Татарко А.Н., Берри Дж.У.* Социально-психологические основы мультикультурализма: проверка гипотез о межкультурном взаимодействии в российском контексте // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 2. С. 92–104.
- Лэйнг Р.* «Я» и другие. Узелки. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2017. 232 с.
- Межкультурные отношения на постсоветском пространстве / ред. Н.М. Лебедева. М.: Менеджер, 2017. 492 с.
- Почебут Л.Г., Безносков Д.С.* Психология восприятия социальной дистанции в отношении разных стран мира: взгляд из России // Вестник РУДН. Сер.: Международные отношения. 2018. Т. 18, № 1. С. 66–84.
- Репринцев А.В.* Антропологическое измерение социальных реформ: от кризиса идентичности – к деструкции культуры этноса // Психолого-педагогический поиск. 2013. № 1 (25). С. 26–39.
- Репринцев А.В.* Культурно-образовательная среда в становлении личности русского человека // Педагогика. 2015. № 1. С. 88–96.
- Репринцев А.В., Сухоруков И.С.* Формирование этнокультурной идентичности подростков и юношества как проблема современной психологии и социальной педагогики // Научные ведомости БелГУ. Сер.: Гуманитарные науки. 2017. Т. 33, № 7 (256). С. 142–149.
- Татарко А.Н.* Интеграционная политика общества и отношение к мигрантам принимающего населения: исследование в 17 Европейских странах // Психология: журнал Высшей школы экономики. 2019. Т. 16, № 2. С. 216–231.
- Татарко А.Н.* Ценности россиян и интегральная угроза в межэтнических отношениях // Вопросы психологии. 2018. № 4. С. 110–120.
- Шайгерова Л.А., Зинченко Ю.П.* и др. Перспективы использования анализа социальных сетей для изучения этнокультурной идентичности подростков в интернет-сообществах // Национальный психологический журнал. 2019. Т. 3, № 3 (35). С. 4–16.
- Шамионов Р.М.* Индивидуальные ценности и идеологические установки как предикторы предубежденности по отношению к другим // Вестник РУДН. Сер.: Психология и педагогика. 2019. Т. 16, № 3. С. 309–326.
- Шамионов Р.М.* Формирование дискриминационных установок личности в процессе ее социа-

лизации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: Акмеология образования. Психология развития. 2018. Т. 7, № 2. С. 129–135.

Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 2006. 352 с.

Ядов В.А. Социальная идентификация в кризисном обществе // Социологический журнал. 2014. № 1. С. 35–52.

Boer D., Fischer R. How and when do personal values guide our attitudes and sociality? Explaining cross-cultural variability in attitude-value linkages. *Psychological Bulletin*, 2013, 139, pp. 1113–1147.

Bogardus E.S. Social Distance Scale. *Sociology and social research*, 1933, vol. 17, pp. 265–271.

Fischer R. Gene-environment interactions influence the endorsement of social hierarchy values and beliefs across cultures. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 2013, 44, pp. 1107–1121. DOI 10.1177/0022022112471896

Fischer R., Boer D. Motivational Basis of Personality Traits: A Meta-Analysis of Value-Personality Correlations. *Journal of Personality* 83:5, October 2015, Wiley Periodicals, Inc. DOI 10.1111/jopy.12125

Fischer R., Boer D. What is more important for national well-being: Money or autonomy? A meta-analysis of well-being, burnout and anxiety across 63 societies. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2011, 101, pp. 164–184.

Judd C.M., Ryan C.S. & Park B. Accuracy in the judgment of ingroup and outgroup variability. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1991, vol. 61 (3), pp. 366–379.

Miura A., Pilati R., Milfont L., Ferreira C., Fischer R. Between simpatia and malandragem: Brazilian jeitinho as an individual difference variable. *PLoS ONE*, 2019, № 14 (4): e0214929. DOI 10.1371/journal.pone.0214929

Sherif M. Experiments in Group Conflict. *Scientific American*, 1956, vol. 195, № 5, pp. 54–59.

Tajfel H., Turner J.C. The social identity theory of intergroup behavior. *Psychology of Intergroup Relations*. Chicago, Nelson-Hall, 1986, pp. 7–24.

References

Belinskaja E.P. *Sovremennye issledovanija identichnosti: ot strukturnoj opredelennosti k processual'nosti i nezavershennosti* [Modern research on identity: from structural certainty to procedurality and incompleteness]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gos. universiteta. Psihologija. Pedagogika, Serija 16* [Bulletin of the St. Petersburg State. university. Psychology. Pedagogy. Series 16]. Sankt-Peterburg, 2018, vol. 8, № 1, pp. 6–15. (In Russ.)

Belinskaja E.P., Iljuhina S.N. *Prostranstvo social'nyh setej kak faktor radikalizacii konflikta v virtual'nom vzaimodejstvii* [The space of social networks as a factor in the radicalization of conflict

in virtual interaction]. *Vestnik RGGU. Psihologija. Pedagogika. Obrazovanie* [RGGU Bulletin. Series: Psychology. Pedagogy. Education], 2018a, vol. 14, № 4, pp. 81–95. (In Russ.)

Belinskaja E.P., Stefanenko T.G. *Jetnicheskaja socializacija podrostka* [Ethnic socialization of adolescents]. Moscow, MPSI. Voronezh, MODJeK Publ., 2000, 208 p. (In Russ.)

Bulatnikov I.E. «Krizis kul'tury» i ego otrazhenie v sostojanii obshhestvennoj morali: dialektika vechnogo i vremennogo v social'no-nravstvennom vospitanii molodezhi [“Crisis of culture” and its reflection in the state of public morality: the dialectic of the eternal and the temporary in the social and moral education of youth]. *Evrazijskij forum* [Eurasian Forum], 2012, № 4, pp. 78–92. (In Russ.)

Bulatnikov I.E. *Destrukcija moral'nogo soznanija sovremennogo rossijskogo obshhestva kak problema teorii i praktiki social'nogo vospitanija molodezhi* [Destruction of the moral consciousness of modern Russian society as a problem of the theory and practice of social education of youth]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kostroma State University], 2012a, vol. 18, № 1-1, pp. 146–152. (In Russ.)

Bulatnikov I.E. *Razvitie sistemy nravstvennyh cennostej molodezhi v uslovijah krizisa kul'tury: dialektika vechnogo i vremennogo* [Development of the system of moral values of youth in the context of a cultural crisis: the dialectic of the eternal and the temporary]. *Psihologo-pedagogicheskij poisk* [Psychological and pedagogical search]. 2012b, № 4 (24), pp. 23–35. (In Russ.)

Bulatnikov I.E., Reprintsev A.V. *Sistemnaja metodologija v kontekste poiska optimal'noj modeli reformirovanija rossijskogo obrazovanija* [System methodology in the context of the search for the optimal model of reforming Russian education]. *Psihologo-pedagogicheskij poisk* [Psychological and pedagogical search], 2012v, № 22, pp. 19–34. (In Russ.)

Zinchenko Ju.P., Shajgerova L.A. i dr. *Metodologicheskie problemy izuchenija jetnokul'turnoj identichnosti detej i podrostkov v cifrovom obshhestve* [Methodological problems of studying the ethnocultural identity of children and adolescents in a digital society]. *Gercenovskie chtenija: psihologicheskie issledovanija v obrazovanii* [Herzen's Readings: Psychological Research in Education]. Sankt-Peterburg, RGPU Publ., 2019, pp. 875–884. (In Russ.)

Lebedeva N.M. *Jetnicheskaja i kross-kul'turnaja psihologija* [Ethnic and cross-cultural psychology]. Moscow, MAKS Press Publ., 2011, 423 p. (In Russ.)

Lebedeva N.M., Tatarko A.N., Berri Dzh. U. *Social'no-psihologicheskie osnovy mul'tikul'turalizma: proverka gipotez o mezhkul'turnom vzaimodejstvii v rossijskom kontekste* [Socio-psychological foundations of multiculturalism: testing hypotheses about intercultural interaction in the Russian context].

Psihologicheskij zhurnal [Psychological journal], 2016, vol. 37, № 2, pp. 92–104. (In Russ.)

Ljezng R. «Ja» i drugie. Uzelki [“I” and others. Nodules]. Moscow, Institut obshhegumanitarnykh issledovanij Publ., 2017, 232 p. (In Russ.)

Mezhkul'turnye otnoshenija na postsovetskom prostranstve [Intercultural relations in the post-Soviet space], ed. by N.M. Lebedeva. Moscow, Menedzher Publ., 2017, 492 p. (In Russ.)

Pochebut L.G., Beznosov D.S. *Psihologija vosprijatija social'noj distancii v otnoshenii raznykh stran mira: vzglyad iz Rossii* [Psychology of social distance perception in relation to different countries of the world: a view from Russia]. *Vestnik RUDN, Mezhdunarodnye otnoshenija* [RUDN Bulletin. Series: International Relations], 2018, vol. 18, № 1, pp. 66–84. (In Russ.)

Reprintsev A.V. *Antropologicheskoe izmerenie social'nykh reform: ot krizisa identichnosti – k destrukcii kul'tury jetnosa* [Anthropological dimension of social reforms: from the crisis of identity - to the destruction of the culture of the ethnos]. *Psihologopedagogicheskij poisk* [Psychological and pedagogical search], 2013, № 1 (25), pp. 26–39. (In Russ.)

Reprintsev A.V. *Kul'turno-obrazovatel'naja sreda v stanovlenii lichnosti russkogo cheloveka* [Cultural and educational environment in the formation of the personality of a Russian person]. *Pedagogika* [Pedagogy], 2015, № 1, pp. 88–96. (In Russ.)

Reprintsev A.V., Suhorukov I.S. *Formirovanie jetnokul'turnoj identichnosti podrostkov i junoshstva kak problema sovremennoj psihologii i social'noj pedagogiki* [Formation of ethnocultural identity of adolescents and youth as a problem of modern psychology and social pedagogy]. *Nauchnye vedomosti BelGU, Gumanitarnye nauki* [Scientific bulletin of BelSU. Humanitarian sciences], 2017, vol. 33, № 7 (256), pp. 142–149. (In Russ.)

Tatarko A.N. *Integracionnaja politika obshhestva i otnoshenie k migrantam prininajushhego naselenija: issledovanie v 17 Evropejskih stranah* [Integration

policy of society and attitude towards migrants of the host population: a study in 17 European countries]. *Psihologija, Zhurnal Vysshej shkoly jekonomiki* [Psychology. Journal of the Higher School of Economics], 2019, vol. 16, № 2, pp. 216–231. (In Russ.)

Tatarko A.N. *Cennosti rossijan i integral'naja ugroza v mezhetnicheskikh otnoshenijah* [Values of Russians and the Integral Threat in Interethnic Relations]. *Voprosy psihologii* [Psychology issues], 2018, № 4, pp. 110–120. (In Russ.)

Shajgerova L.A., Zinchenko Ju.P. i dr. *Perspektivy ispol'zovanija analiza social'nykh setej dlja izuchenija jetnokul'turnoj identichnosti podrostkov v internet-soobshhestvah* [Prospects for Using Social Networks Analysis to Study the Ethnocultural Identity of Adolescents in Internet Communities]. *Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal* [National Psychological Journal], 2019, vol. 3, № 3 (35), pp. 4–16. (In Russ.)

Shamionov R.M. *Individual'nye cennosti i ideologicheskie ustanovki kak prediktory predubezhdennosti po otnosheniju k drugim* [Individual values and ideological attitudes as predictors of bias towards others]. *Vestnik RUDN, Psihologija i pedagogika* [RUDN Bulletin. Series: Psychology and Pedagogy], 2019, vol. 16, № 3, pp. 309–326. (In Russ.)

Shamionov R.M. *Formirovanie diskriminacionnykh ustanovok lichnosti v processe ee socializacii* [Formation of discriminatory attitudes of the individual in the process of his socialization]. *Izvestija Saratovskogo universiteta, Novaja serija, Akmeologija obrazovanija, Psihologija razvittija* [Bulletin of the Saratov University. New Series: Acmeology of Education. Developmental psychology], 2018, vol. 7, № 2, pp. 129–135. (In Russ.)

Jerikson Je. *Identichnost': junost' i krizis* [Identity: adolescence and crisis]. Moscow, Progress Publ., 2006, 352 p. (In Russ.)

Jadov V.A. *Social'naja identifikacija v krizisnom obshhestve* [Social identification in a crisis society]. *Sociologicheskij zhurnal* [Sociological journal], 2014, № 1, pp. 35–52. (In Russ.)